

Глава 1. КОЛЛЕКТИВНОЕ РУКОВОДСТВО: ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА И ЛЕГИТИМАЦИИ

1.1. 130 дней Берии

1.1.1. Передел власти у гроба Сталина на фоне массовых апокалипсических настроений

Уже при первом известии о болезни вождя, 2 марта 1953 г., в 10 часов 40 минут утра в кремлевский кабинет Сталина вошли 11 человек, 9 из которых через три дня и составили новое, коллективное руководство. Это были 7 из 9 членов бюро Президиума ЦК КПСС (Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, М.Г. Первухин, М. 3. Сабуров и Н.С. Хрущев). Не было только И.В. Сталина и Н.А. Булганина, который, вероятнее всего, остался у постели больного. Были также 4 члена Президиума ЦК КПСС (А.И. Микоян, В.М. Молотов, Н.М. Шверник и председатель Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС М.Ф. Шкирятов). С ними явились начальник Лечебно-санитарного управления Кремля И.И. Куперин и врач-невропатолог Р.А. Ткачев. Последняя пара вышла через 10 минут, а остальные оставались там до 11 часов утра. Второй раз они (с Булганиным, но без Хрущева, а вместо Ткачева был министр здравоохранения А.Ф. Третьяков) появились там вечером, в 20 часов 25 минут. Оба врача вышли оттуда в 21 час 10 минут, остальные – в 21 час 25 минут{32}. Что они там все делали и утром и вечером – неизвестно. Но сам факт, что в первый день болезни вождя эти люди появлялись в его кремлевском кабинете все вместе, говорит о многом. Некоторые историки предполагают, что там, вдали от суеты у постели умирающего вождя, обсуждались принципиальные вопросы перехода власти к новому руководству. Причем «новому» только в том смысле, что оно и по количеству и по личному составу отличалось от того, что Сталин сформировал сразу же после XIX съезда КПСС. Как известно, Президиум ЦК из 25 членов, заменивший собою Политбюро из 11 членов, был уже в силу одного этого не работоспособным органом и ни разу не собирався. А в созданное тогда же бюро Президиума ЦК из 9 членов не вошли Молотов и Микоян, не приглашался Сталиным на его заседания и еще один ветеран – Ворошилов. Теперь все они возвращались в узкий руководящий коллектив. Но так как бюро Президиума ЦК было органом нелегитимным, о нем ничего не говорилось в новом партийном уставе, а об избрании и деятельности ничего не сообщалось в печати, и о нем почти никто не знал, было решено его ликвидировать, а Президиум ЦК сократить в 2,5 раза. Собравшись в этом составе утром 2 марта, они фактически составили новый директивный орган партийного руководства. А для его надлежащего оформления решили созвать через три дня пленум ЦК{33}.

Можно согласиться и с утверждениями других историков, что, восстанавливая таким

образом свое безраздельное господство в руководстве партией и страной, ближайшие соратники смертельно заболевшего вождя тщательно готовились к такому повороту событий, ибо оставить за бортом Президиума ЦК в одночасье два с лишним десятка его членов и кандидатов без предварительного сговора невозможно{34}. Другое дело, что теперь нам известно и то, что в этом предварительном сговоре у смертного одра Сталина активно участвовали далеко не все они, что фактически всем там заправляли два человека: Берия и Маленков.

4 марта было, наконец, опубликовано первое правительственное сообщение о состоянии здоровья Сталина. Оно было подготовлено не позже вечера 3 марта. И тогда же по решению бюро Президиума ЦК стали рассылать приглашения на пленум ЦК, первоначально намеченный на следующий день{35}. По каким-то причинам это мероприятие отложили еще на один день. А тем временем все или почти все вопросы передела власти взяли на себя Берия и Маленков. Если остальные члены бюро Президиума неотлучно дежурили парами у постели не приходящего в сознание генералиссимуса, то они все время находились наверху, о чем-то совещаясь, и лишь время от времени спускались к остальным. 4 марта Маленков диктует заведующему своим секретариатом А.М. Петраковскому список членов нового Президиума ЦК и нового Совета министров и собственноручно вносит в него поправки{36}.

5 марта состав правительства был утвержден на совместном заседании пленума ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР, начавшемся в 8 часов вечера и закончившемся через 40 минут. На нем присутствовали 118 из 124 членов ЦК, 102 из 111 кандидатов в члены ЦК, председатель Центральной ревизионной комиссии, 8 министров – не членов ЦК и 3 члена Президиума Верховного Совета – не члена ЦК. Председательствовал Хрущев. Министр здравоохранения Третьяков проинформировал о состоянии здоровья Сталина, а Хрущев посчитал нужным добавить:

– С самого начала болезни товарища Сталина у его постели непрерывно находятся члены бюро Президиума ЦК. Сейчас дежурит товарищ Булганин, поэтому он не присутствует на заседании{37}.

Затем слово было предоставлено Маленкову. Он сказал:

– Все понимают огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас. Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве. Вот почему бюро Президиума ЦК поручило мне доложить вам ряд мероприятий по организации партийного и государственного руководства... При выработке этих мероприятий мы исходили из того, что в это трудное время важнейшей задачей является обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны, что в свою очередь требует величайшей сплоченности, недопущения какого-либо разброда и паники{38}.

После этого Берия заявил, что бюро Президиума, тщательно обсудив создавшуюся обстановку, «в связи с тем, что в руководстве партией и страной отсутствует товарищ Сталин», считает необходимым «теперь же назначить председателя Совета министров СССР» и рекомендует на этот пост Маленкова.

С мест раздалась возгласы:

– Правильно! Утвердить!{39}

Маленков же, в свою очередь, оглашает другие предложения: назначить первыми заместителями главы правительства Берию, Молотова, Булганина и Кагановича, которые вместе с другими заместителями – членами Президиума ЦК (а это были Микоян, Сабуров и Первухин) составят президиум Совета министров. Кроме того, предстоит объединить целый ряд министерств. Берия возглавит объединенное министерство внутренних дел, Молотов – министерство иностранных дел, Булганин – министерство обороны. Председателем президиума Верховного Совета рекомендован Ворошилов. Для рассмотрения этих решений будет созвана сессия Верховного Совета. В ЦК же предлагается ликвидировать бюро президиума, оставив «как это определено уставом партии», один президиум. А «в целях большей оперативности» его состав сокращается до 11 членов (Сталин, Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин) и 4 кандидатов. Признано также необходимым, «чтобы товарищ Хрущев сосредоточился на работе в Центральном комитете КПСС»{40}. В заключение Маленков заверяет, что все эти предложения «выдвигаются всеми

членами бюро президиума единодушно и единогласно»{41}.

Да, открыто никто из них не возражал. Хотя сомнения у некоторых и были.

Редактор «Литературной газеты», заместитель генерального секретаря Союза писателей и в этом качестве кандидат в члены ЦК КПСС К.М. Симонов, присутствовавший на этом заседании, следующим образом зафиксировал свои впечатления: «У меня было ощущение, что появившиеся оттуда, из задней комнаты, в президиуме люди, старые члены Политбюро, вышли с каким-то затаенным, не выраженным внешне, но чувствовавшимся в них ощущением облегчения. Это как-то прорывалось в их лицах, – пожалуй, за исключением лица Молотова – неподвижного, словно окаменевшего. Что же до Маленкова и Берии, которые выступали с трибуны, то оба они говорили живо, энергично, по-деловому. Что-то в их голосах, в их поведении не соответствовало преамбулам, предшествовавшим тексту их выступлений, и таким же скорбным концовкам их выступлений, связанным с болезнью Сталина. Было такое ощущение, что вот там, в президиуме, люди освободились от чего-то давившего их, связывающего их. Они были какие-то распеленатые, что ли»{42}.

Таким образом, на самом верху даже те, кто искренне скорбел, испытывали некоторое облегчение, перестав трепетать за собственную судьбу. Ведь у Сталина в сейфе были обнаружены не только технические записи разговоров его детей Василия и Светланы, но и досье на многих советских руководителей, в том числе на Берию{43}. Тот не скрывал радости и торжества. Но не одно лишь стремление обезопасить себя лично от возможных рецидивов недавнего прошлого спланивало всех их в то время. Сказывалось и ощущение свалившейся на них ответственности, понимание необходимости перемен. Отступаться от тоталитарного принципа системы никто не собирался. Однако в том, что многое в ней предстоит поменять, мало кто сомневался.

Новое руководство не мыслило себя иначе, как только коллективным. Амбиции, и немалые, у определенной его части, конечно, были. Но Молотов был дискредитирован в глазах членов ЦК самим Сталиным. Хрущев пока предпочитал скрывать свои подлинные намерения на этот счет. То же самое можно сказать и о Берии. Его в данный момент устраивал тандем с формальным главою руководящего коллектива Маленковым, с помощью которого он до поры до времени и собирался проводить в жизнь свои планы. Сам Маленков, по определению историка Р. Медведева, был человеком без биографии, «не имел ни своего лица, ни собственного стиля», был «орудием Сталина»{44}. Он прекрасно знал, как тот пользовался своей властью, но не обладал его волей, решимостью и безоглядностью. Он слишком долго был на вторых ролях, чтобы действовать самостоятельно.

Можно согласиться и с мнением, что одна из главных причин перехода власти именно к коллективному руководству заключалась в том, что харизма Сталина, которая, согласно М. Веберу, некий магический дар пророков, создателей новых религиозных учений и строителей новых государств, особенно империй, не могла быть передана его наследникам вместе с занимаемыми им постами. Его власть определялась не должностями, которые он занимал. Он сам по себе являлся источником власти для всех остальных официальных институтов, ибо его авторитет в глазах подданных был основан на исключительных качествах, которые приписывались его личности, на своей репутации мудрого вождя и учителя, гениального полководца и т. п. Чтобы приобрести такой авторитет и такую репутацию, нужно чем-то увлечь большинство активного населения и прежде всего руководящие кадры управленческого персонала, элиту.

Но если ближайшие соратники Сталина ждали его смерти хоть и внешне скорбно, но не без видимого другими чувства облегчения, то подавляющее большинство его подданных встретило последовавшее вскоре извещение о его кончине совершенно иначе. Центральный комитет КПСС, Совет Министров СССР, Президиум Верховного Совета СССР были завалены резолюциями партийных организаций и трудовых коллективов, а также письмами граждан с предложениями, как лучше увековечить память почившего. Так, некто Б. Козлов хотел бы, чтобы аббревиатура СССР отныне расшифровывалась как «Союз Советских Сталинских Республик». А гвардии полковник запаса Я.А. Барштейн просил принять его ордена и медали, чтобы возложить их «на гроб и могилу Вождя всех трудящихся всего мира, родного отца, учителя, который вел нас к вершинам коммунизма...»{45}. Можно, конечно, сомневаться в

искренности авторов такого рода словоизвержений и искать мотивы их не столько в любви и обожании, сколько в страхе, в стремлении непременно засвидетельствовать свою правоту. Но нельзя сомневаться в том, что они отражали преобладавшие тогда настроения простых людей.

Об этом свидетельствует и исследование, проводимое с 1994 г. на факультете истории, политологии и права Московского педагогического (ныне Московского государственного областного) университета. Согласно данным, полученным в результате опроса свидетелей и очевидцев тех событий, 25% опрошенных в 1997 г., 50% опрошенных в 1998 г. и 45% опрошенных в 1999 г., при ответе на вопрос «Как вы и ваше окружение реагировали на известие о болезни и смерти Сталина?» употребили такие слова, как «болезненно», «с болью в сердце» и «жалостью в душе», «скорбели об утрате».

«Сталин был для нас богом, и когда он умер, мы как будто потеряли частичку себя», – говорила техник Мосинжпроекта Е.М. Митяева{46}. Было жалко работнику райотдела МВД в Щелково П.Г. Горячеву: «С ним мы выиграли войну»{47}. Реагировал как все, с сочувствием, И.П. Вейдеров, заводской водитель из города Ковылкино в Мордовии{48}. «Народ горевал, а в семьях было напряженное состояние», – вспоминал А.П. Дьячков, рабочий совхоза «Зендиково» в Каширском районе{49}.

«В него верили как в царя и бога», – поясняла учительница из Тюменской области В.П. Торопова. Все очень переживали, по словам В.Г. Трунова из Покрово-Васильевки в Тамбовской области (тогда учившегося в 9 классе): «Несмотря на то, что почти половина деревни от него пострадала (кто сам сидел, у кого родные), ощущение было, что потеряли самого близкого человека»{50}. По воспоминаниям Е. А. Рязанцевой, учительницы начальной школы в Иркутске, многие думали: «Как же так, такого человека и не уберегли? Была злость на окружение, на врачей»{51}.

Испытали потрясение, находились в шоке, были угнетены, испытывали тревогу, страх и даже ужас еще соответственно 10, 13 и 9% опрошенных. Чувство обреченности испытывала А.М. Чемерисюк из села Елеиновка в Хмельницкой области{52}. Голос Левитана и музыка по радио у всех вызывали угнетенное состояние, – замечает Н.М. Василенко, тогда – школьник из поселка Комсомольский в Куйбышевской области{53}. Как «конец света» воспринял известие и 17-летний колхозник из деревни Хлевино Лопасненского района В.Ф. Поляков{54}.

Восприняли как трагедию, как невыносимую утрату еще соответственно 8,5 и 7% опрошенных. «Было чувство, что нас бросили на произвол судьбы», – вспоминал П.С. Коновлов, рабочий из Курска{55}. Личный состав подразделения ПВО в Кричеве-6 (Могилевская область) настолько был удручен, что многие были в шоковом состоянии, не видя смысла в дальнейшей жизни{56}.

Отмечали, что многие или даже все плакали, 15% опрошенных в 1997 г., 22% опрошенных в 1998 г. и 16% опрошенных в 1999 г. «Люди плакали, как будто что-то от сердца оторвали», – вспоминал А.Т. Щепкин, работавший тогда на Воронежском авиационном заводе. «Было видно, что Сталина любили и не представляли своей жизни без него», – рассказывал В.Е. Север, в то время ученик 8-го класса в Звенигороде. Плакали, ибо не знали, как жить дальше, жители деревни Кулиши в Орловской области, что делать дальше, все в окружении работницы швейной мастерской № 23 в Москве Л.В. Гурьевой. Но школьнице М.А. Харитоновой, проживавшей в Москве, в Хохловском переулке, «эти слезы показались неискренними»{57}.

Плакали и даже рыдали сами соответственно 9,7 и 13% опрошенных. Плакала вся палата рожениц, а вместе с ними М.М. Крупина, рабочая Ивановского меланжевого комбината им. Фролова{58}. Криком исходила работница курсов повышения квалификации для руководящих кадров Министерства культуры А.Т. Булычева{59}. Плакал 14-летний школьник В.В. Голубков из деревни Жуковка в Калужской области, хотя его родители (отец-кровельщик и мать) «сдержанно молчали, скорее боялись, чем переживали»{60}.

Отмечали, что это было всеобщее горе, всенародная скорбь, не раскрывая своего собственного отношения, соответственно 5,3 и 12% опрошенных. «Был траур, все плакали», – делился своими впечатлениями Г.В. Кирич, донецкий шахтер, западноукраинец{61}.

Испытывали растерянность; не представляли себе, как же теперь без него; боялись за будущее соответственно 18, 11 и 12% опрошенных. «Что же будет дальше с нами?» – думали

все, по словам работницы завода «Металлосетки» в Щелково Н.А. Бурковой{62}. «Мы ощущали беспомощность и задавали себе вопрос: что будем делать теперь?» – вспоминала А.И. Аксенова, работавшая на заводе «Вторчермет» в Москве, а жившая в Люберцах{63}. Не знал, «как же дальше теперь жить и что будет», С.И. Александров, слесарь из города Ефремов в Тульской области{64}. Не ждали от жизни ничего хорошего, по словам З.П. Половинкиной, прядильщицы с фабрики им. Р. Люксембург в Подмоскowie{65}. «Переживали, что без Сталина пропадем, – по словам бухгалтера центральной базы № 1 ГУ материально-технического обеспечения МПС в Ховрино А.Н. Бородкиной. – Все верили в него. То, что людей сажают, знали, но никогда об этом не говорили, за что сажают, – не понимали, думали, что дело это не столько рук Сталина, сколько его окружения. В 1945 году к нам в общежитие приходил «работник» и спрашивал, кто что говорит. Так что страх был, но была и дисциплина. А теперь боялись, что с нею будет»{66}. «Боялись, что будет безвластие, что другие государства начнут против нас войну», – вспоминал колхозник И.Н. Лопатников из села Ведянцы в Ичалковском районе Мордовии{67}. Было страшновато П.И. Кондратьевой, работавшей тогда учительницей в Новгородской области: «Прибалты тогда стали листовки разбрасывать, к восстанию призывали»{68}.

Если соболезнавали, то не очень, особого горя не испытывали, особенно не расстроились, спокойно, безразлично, равнодушно, без всяких эмоций отнеслись к происшедшему 12% опрошенных в 1997 г., 9% опрошенных в 1998 г. и 6% опрошенных в 1999 г. Не огорчился, ибо был убежден в том, что «наш народ даст руководителя стране более совершенного», Б.Г. Ануфриев, завхоз Московского городского педагогического института физической культуры. Да и у других сотрудников института, ему знакомых, он не заметил огорчения: «Все молчали. Ни за, ни против. Люди, может быть, даже интуитивно, по сути, отстранились»{69}. Равнодушно отнесся молодой колхозник В.А. Егоров из села Мишенка Гжатского района Смоленской области{70}. В отличие от окружения, впавшего в панику («Как мы будем жить дальше?»), смерть Сталина не произвела особого впечатления на В.И. Пастушкова – работника штаба одной из артиллерийских частей Балтийского флота{71}. Сталина не любил, так как отца репрессировали, капитан СА М.Д. Филиппов из Брянска{72}. «Умер и умер», – полагал слушатель Военной академии им. Фрунзе С.В. Гранкин{73}. Ни хорошего, ни плохого не могла сказать о почившем колхозница Е.П. Трусова из деревни Кушевица в Шатурском районе: «Работали за палочки, жили бедно»{74}. Был занят собственной жизнью слесарь Красногорского оптико-механического завода А.А. У краев. «Бегают дети, плачут, – рассказывает Е.П. Лазарева, работавшая конюхом на 3-й ткацкой фабрике в Орехово-Зуеве, – много народу спешит на поезд (любопытные, поди), а затем ехали, чтобы узнать, сколько народу погибло»{75}.

Когда выпускница Архангельской сельской средней школы в Куринском районе Орловской области М.М. Лунина услышала, как хозяин квартиры, где она жила, заплакал и заохал («Отец родной умер»), она прервала его стенания словами: «Да уж пора бы ему туда», за что он выгнал ее с квартиры, а она позже говорила: «Сталин есть Сталин, обожал его народ»{76}. Сталина не уважал, считая, что «живем крепостными», участковый Поимского РО МВД (Пензенская область) И.А. Емашов, и сказал своим плачущим коллегам: «Все мы смертны, все там будем», и на следующий день был наказан гауптвахтой{77}. Спокойно восприняла известие семья Г.Г. Быковой в Бердичеве: «Дед-поляк был репрессирован, отца выгнали из военного училища»{78}. «Плакали те, кто не пострадал от репрессий», – уточняла студентка Московского педагогического института им. Ленина В.Л. Барабанщикова. Ни печали, ни горя не испытывал солдат Н.И. Лепеха, поскольку знал о репрессиях и невинно пострадавших и погибших{79}. Командир роты В.Я. Самойлов и его коллеги-офицеры реагировали на болезнь и смерть Сталина как на болезнь и смерть «всякого человека, прожившего достаточно долгую и тяжелую жизнь». «Не плакали, тем более не рыдали, жили своей жизнью», по словам Ф.Н. Соловьевой, работавшей токарем в п/я 30 в Каменске-Уральском. Работа в начальной школе и домашнем хозяйстве отнимала все силы у А.С. Хорошевой из деревни Подъячево в Дмитровском районе, все остальное ее не интересовало{80}.

Ощущение грядущих перемен (к лучшему) или даже радость испытывало соответственно

8, 2, 5 и 3% опрошенных.

У летчицы гражданской авиации З. Д. Моисеевой появилась надежда на снятие клейма «врага народа» с ее мужа. А тот, тоже летчик, американский венгр И.И. Мосика, «не мог простить смерти своих отца и матери» и потому «обрадовался, узнав о смерти Сталина (правда, молча), подумал о конце трагедии». «Тайную надежду на какие-то изменения» вызвала смерть Сталина у колхозной скотницы Т.И. Самородовой из села Ольявидово в Дмитровском районе. Ее муж был репрессирован в 1938 г. по 58-й статье. И она не верила, что Сталин не знал о творящихся бесчинствах.

Инженер комбината «Сахалинуголь» М.М. Гурен считал, что страна избавилась от тирана{81}. Не жалела, хотя и боялась неизвестности заведующая складом завода Главторфмаш в Симферополе Е. Н. Петрушенко, у которой еще в 1930 г. репрессировали отца{82}. «Наконец-то он сдох!» – сказала 14-летняя ученица одной из школ в Шатуре, отец которой (директор завода) был арестован в 1951 г.; так с ней весь класс не разговаривал несколько дней{83}. Повар кафе-ресторана «Столешники» в Москве Е.В. Глазунова своего мнения открыто не высказывала, но была рада случившемуся: «Была надежда, что люди будут лучше жить». Надежда на «освобождение от стальных оков» появилась у хирурга Каунасской городской больницы П. Паулюцкаса. Рад был и служащий машиностроительного завода в Ромнах Л.Ю. Бронштейн. Радовалась жена инвалида из Фирсановки С.Ф. Зубкова, родителей которой спасло от раскулачивания бегство из дома. Была счастлива вся семья продавщицы из подмосковной Фирсановки Н.В. Овсянниковой, родители которой были зажиточными крестьянами и чудом спаслись от раскулачивания. Восторг и великую радость испытали бывший дворянин С.Н. Гук и его жена М.А. Гук, работавшая шофером в Министерстве путей сообщения. Не очень жалела покойного рабочая Звениговской типографии в Марийской автономной республике Ф.И. Артемьева, у которой незадолго до этого репрессировали мужа.

По словам Т.В. Крутиковой, работавшей медсестрой в колхозе под Невьянском на Урале «большинство населения встретило эту новость с равнодушием», а многие, в том числе и она, – «с облегчением, поскольку люди жили в постоянном страхе и нищете»{84}.

Вспоминают о своем участии в тех или иных траурных мероприятиях около 7% опрошенных. Стояли в траурном карауле у бюста вождя на Реутовской хлопкопрядильной фабрике М.Т. Широкова и Е.Т. Назарова. У памятника Сталину в Харькове круглосуточно стояли толпы людей, стихийно образовав почетный караул. Некоторые слушатели тамошней военной академии самовольно уехали в Москву на похороны, и ее командование не стало объявлять им взысканий, сочтя причину уважительной. Участвовала в сборе денег на железнодорожный билет в Москву казанская школьница В.Г. Козлова. Ходила к Колонному залу Дома союзов прощаться с почившим вождем студентка МГПИ им. Ленина Н.Б. Косяк со своими сверстниками. Недошедший туда из-за давки водитель автобазы Центросоюза Н.В. Рыков видел «всюду оторванные пуговицы, сорванные одежды, разбитые витрины, перевернутые автобусы, открытые подземные люки, куда, говорят, падали люди. «После этой стихии Москву убрали неделю». Рабочий Красногорского оптико-механического завода В.Д. Бакин с товарищами пешком добирался до Колонного зала Дома союзов полтора дня. В Московском экономико-статистическом институте все рыдали, стоя на коленях перед портретом Сталина, – вспоминала студентка Н.П. Назарова: «Мы восхищались теми, кто попал на похороны». Только до Савеловского вокзала смогла дойти студентка Московской сельхозакадемии им. Тимирязева В.Ф. Полянская, а вот ее подруга из Томска погибла. Кто-то вытащил из толпы едва ли не задавленную А.А. Орлову, приехавшую специально из Чаплыгина. На второй день после похорон ездила в Москву на Красную площадь учительница вечерней школы из поселка им. Володарского В.Н. Вавилина с подругами: «Было много цветов, мы подбирали лепестки и плакали над ними»{85}.

И действительно, лично проститься с усопшим пожелали миллионы людей. К Дому союзов устремились не только жители Москвы и Подмосковья, но и более отдаленных областей. По распоряжению председателя похоронной комиссии Хрущева министр путей сообщения Б.П. Бещев запретил продажу билетов на все пассажирские поезда, следующие в Москву, и отменил движение всех пригородных поездов. Но, как говорится, голь на выдумки хитра. В столицу устремились тысячи грузовых машин. Их очереди вытянулись на многие

километры. Например, на южном направлении затор движения начинался от Серпухова, а затем паралич движения сковал шоссе уже от Тулы. В самой Москве, в ее центре, на Пушкинской улице и прилегающих к ней бульварах скопились многотысячные толпы пешех.

Хотя об открытии Колонного зала Дома союзов для прощания со Сталиным было объявлено по радио часа в 2 или 3 пополудни, уже в 8 часов утра у входа туда, как информировал Хрущева секретарь МГК КПСС И.В. Капитонов, «далеко потянулась живая лента людей, желающих в числе первых пройти у гроба и в последний раз проститься с родным и любимым товарищем Сталиным»{86}. А к моменту открытия Колонного очередь заполнила уже не только Пушкинскую улицу, но и Страстной и Петровский бульвары. В нее постоянно вливались потоки спешивших с улиц Горького и Чехова. А на Трубную площадь двигались толпы по Цветному и Рождественскому бульварам.

Свидетелем трагедии на Трубной площади оказался рядовой солдат срочной службы А.В. Баталов, находившийся там в оцеплении: «В нескольких шагах от меня неслась ошалевшая толпа, сметая все на своем пути. Я видел, как люди проваливались в канализационные люки, проходили дома насквозь, разрушая двери и выбивая окна... Я видел тысячи искренне плакавших людей. Этот день сконцентрировал в себе неодолимые страдания, смесь жестокости друг к другу и желания поклониться идолю»{87}.

Говорили о сотнях и даже тысячах раздавленных в возникавших тут и там давках. «День коронации царя на Ходынке померк по сравнению с днем смерти земного русского бога – рябого сына сапожника из Гори», – писал потом В.С. Гроссман{88}. К сожалению, мы тоже отдали дань циркулировавшим тогда и после слухам¹. Те же данные, которые доступны исследователям, трудно назвать полными. Так, по сведениям МГК КПСС, доложенным Хрущеву, к 8 часам вечера 6 марта во 2-ю клиническую больницу у Петровских ворот было доставлено 29 пострадавших, в том числе 20 с тяжелыми травмами (переломом рук и ног, у некоторых резко сдавлена грудная клетка). И ничего о смертных случаях{89}. По данным Коминтерновского райкома КПСС к 10 часам вечера на развернутые в районе (а это территория между Петровкой с одной стороны и Неглинной и Цветным бульваром, с другой) 6 медпунктов было доставлено 30 пострадавших, более 40% которых с тяжелыми травмами отправлены в больницы{90}. По распоряжению первого секретаря МГК КПСС Е.А. Фурцевой все трупы должны были доставляться и сосредотачиваться в Институте скорой медицинской помощи им. Склифосовского. По свидетельству сотрудника МГБ СССР А. Саркисова, обслуживавшего этот институт, там, в общей сложности, когда все более или менее кончилось, их оказалось около 400.{91}

Психоз охватил и тех, кто в силу целого ряда обстоятельств имел возможность достаточно трезво оценить роль Сталина. Например, студент 2-го курса факультета журналистики МГУ А. Никитин, сын репрессированных, открыто слушавший в общежитии передачи «Голоса Америки» и Би-Би-Си, потом удивлялся: «Отчего же в день его похорон я два часа пролежал под милицейским грузовиком в Копьевском переулке, прорываясь в очередь к гробу? И отчего два дня оплакивал диктатора?».

«Не пушу! Только через мой труп!» – в ужасе кричала своей внучке московской семикласснице Л. Золотухиной ее бабушка, встав у двери. Вместе с редакцией журнала «Советский Союз» с улицы Москвина (Петровского переуллка) ходил с траурными венками в Колонный зал и внештатный корреспондент В.А. Руйкович: «Толпы на улицах угнетали и раздражали. Видел как оператор «Совкинохроники» Щекутев, снимая камерой людей, стоящих на морозе, кричал им: «Шапки, шапки снимите!»»{92}.

Массовой истерии не поддавалось, как уже отмечалось выше, лишь совсем незначительное

¹ См.: Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация / Рук. авт. коллектива С.В. Кулешов и др. М. 1996. Т. 2. С. 521. В последующих изданиях с участием этого коллектива отношение к такого рода цифрам выражено более осторожно: «В давке погибло много людей. Точную цифру уже не установить» (История России. Советское общество. 1917-1991: Эксперим. уч. пособие для средних школ / Под общ. ред. В.В. Журавлева. М., 1997. С. 349). Или же: «Сколько из них погибло... до сих пор не известно» (Политическая история России: уч. пособие / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 1998. С. 580).

количество населения. В этом нет ничего удивительного. К этому моменту оппозиция в стране вот уже почти два с половиной десятилетия агонизировала в подполье. От вооруженного сопротивления в Прибалтике и на западе Украины остались лишь разрозненные группки. Всякое инакомыслие жестоко каралось. И, тем не менее, неприятие советской власти и лично Сталина небольшими группами (например, баптистами и православными сектантами), а также отдельными людьми никогда не иссякало, никогда не прекращалось. Понятно, что такое событие, как болезнь и последующая смерть вождя оживило подобные настроения.

– Скорее бы подох, злодей! – говорила Р.М. Мессерер-Плесецкая, бывшая киноактриса, вдова репрессированного дипломата, сама побывавшая в тюрьме и ссылке{93}.

– Подох, мать его! – матерился, всхлипывая и плача, полковник Ф. Казаков, военный комиссар Свердловского района Ленинграда.

Для его дочери, студентки университета, обиженной тем, что он не пустил ее в Москву на похороны, это было «открытием и потрясением»{94}.

Еще большее потрясение испытывала 12-летняя ленинградская школьница М. Погребинская, принеся починить свои валенки к соседу дяде Ване, безногому инвалиду-орденоносцу, которым она очень гордилась, и услышавшая от него:

– Ну что Маргаритка, сдох этот...

Она потом два дня серьезно размышляла: пойти ей в милицию, чтобы рассказать там о нем, или нет{95}.

У драматурга В.С. Розова сразу же мелькнула такая «инфернальная», то есть дьявольская, мысль:

– Надо Смерти поставить памятник. Никто другой, кроме нее, не мог избавить нас от него{96}.

Не скрывая своего отвращения к Сталину, не сомневался во временности его мавзолейной прописки писатель Ю.П. Герман:

– Да вышвырнут его оттуда – можешь поверить! Лучше бы раньше, чем позже...{97}

Когда заиграла траурная музыка, среди спецконтингента, работавшего на оловянном руднике «Бутугычаг» в Озерлаге (Дальстрой) наступила всеобщая, необыкновенная радость, вспоминал один из заключенных А. Жигулин: «Все обнимали и целовали друг друга, как на Пасху. И на бараках появились флаги. Красные советские флаги, но без траурных лент. Их было много, и они дерзко и весело трепетали по ветру. Забавно, что и русские харбинцы кое-где вывесили флаг – дореволюционный русский, бело-сине-красный... Начальство не знало, что делать, – ведь на Бутугычаге было около 50 тысяч заключенных, а солдат с автоматами едва ли 120-150 человек. Ах! Какая была радость!»{98}.

В письме в ЦК КПСС из Норильского лагеря В. Крамаренко предложил созвать внеочередной партийный съезд и осудить на нем преступления Сталина, поставить репрессивные органы под контроль и ограничить их власть, немедленно приступив к пересмотру дел, осужденных по статье 58-й уголовного кодекса и ограничив цензуру{99}. «О радость и торжество! – описывал позже тогдашние свои чувства ссыльный О.В. Волков. – Наконец-то рассеется долгая ночь над Россией. Только – Боже оборони! обнаружить свои чувства: кто знает, как еще обернется? Ссылные, встречаясь, не смеют высказывать свои надежды, но уже не таят повеселевшего взгляда. Трижды ура!»{100}. «Ожидание перемен к лучшему», – так определял состояние своей души дипломат А. Ковалев, находившийся тогда в Берлине{101}. Физик ядерщик А.Д. Сахаров из КБ-11 в засекреченном Кремле (бывшем Сарове) Арзамасской области в ответ на вопрос «что же будет после смерти Сталина?» скептически отвечал:

– А ничего, все пойдет по-старому, сложная система подчиняется своим внутренним законам и сама себя поддерживает{102}.

Однако, повторяем, таких мнений, тем более высказанных вслух, было ничтожное количество. Народ, в подавляющем большинстве, встретил смерть вождя как личное горе, как трагедию. У миллионов людей на уме была только одна тревожная мысль: «Как же мы теперь без него?»

Но эти миллионы по-разному, а порой и не без недоумения встретили известие, что во главе правительства теперь будет Маленков.

В упоминавшемся уже опросе, проводимом студентами факультета истории, политологии и права МПУ (ныне МГОУ), свидетелям и очевидцам событий тех времен задавался и такой вопрос: «Кто, по вашему мнению, обладал наибольшими способностями и наибольшим правом руководить страной? Если вы отдавали кому-нибудь предпочтение, то почему?».

В пользу Маленкова высказалось 39-40% опрошенных.

«Большинство было за Маленкова», – была уверена работница рыбоперерабатывающего комбината в Поронайске на Сахалине Т.С. Зайцева. Еще более категоричен был водитель Артиллерийской академии С.П. Воблов: «Вопрос о руководителе партии и правительства после смерти Сталина не стоял, все были единогласны: Маленков», так как «на протяжении многих лет он был рядом со Сталиным, особенно после его 70-летия». «Его портрет был помещен на первой газетной полосе», – сразу же после похорон Сталина рассуждала школьница Г.Н. Щербакова из деревни Бехово в Заокском районе Тульской области. К тому же он ей «нравился и чисто внешне». За человека, близкого к Ленину, принимала его работница дорожно-эксплуатационного участка в Балашихе А.И. Яковлева. «Большим правом руководить страной обладал Маленков, как ближайший сторонник Сталина», по мнению студента Ленинградского горного института М.И. Тухтина. «Маленков работал под рукой Сталина, который мог ею и прихлопнуть», – рассуждал работник таможни в аэропорту Внуково Ю.Н. Шубников. «Ведь он был очень близок к Сталину и достаточно образован», – также считала колхозница Е.А. Грибкова из деревни Городенки в Малоярославецком районе. «Наибольшим правом руководить после смерти Сталина обладал Маленков», – полагала техник Красногорского оптико-механического завода Р.И. Бакина, ибо он «ближе был к Сталину» и «хотел поднимать легкую промышленность». Наибольшими способностями обладал Маленков, считала шлифовщица с завода «Фрезер» в Москве Н.В. Подколзина, потому, что был образован и, как ей казалось, «ближе к народу». «Самым честным и образованным из них» видела Маленкова лаборантка завода «Электросталь» Л.И. Есипова. «Умный человек!» – говорил о нем шофер Ю.И. Чумаров из деревни Аксеново в Раменском районе. «Порядочным человеком» считал его рабочий санатория ВМФ под Солнечногорском Б.С. Егоров. Он казался более спокойным домохозяйке из Алма-Аты Н.В. Кузьменко, «не пугал» ее. За него было большинство родственников и знакомых уборщицы Т.Я. Филатовой, работавшей в Лаборатории измерительных приборов Академии наук (ЛИПАНе, позже ставшей Институтом атомной энергии им. Курчатова). Больше нравился Маленков и колхознице А.А. Комаровой из деревни Захарово в Малоярославецком районе: «Я думала, что он лучше понимает нужды народа». «Ему как-то больше верили», – объясняла рабочая Ногинского завода топливной аппаратуры М.В. Есина. «Ему все доверяли, доверяла и я», – объясняла колхозница М.И. Бирюкова из деревни Перешапово в Можайском районе. Всегда доверял выбору и решениям власти рабочий Кузнецкого металлургического комбината С.Ф. Пономарев{103}.

«Добрый, сделал для рабочего класса много блага», – таким видела его З. И. Громова, работница ювелирного завода в Бронницах{104}. «Он сумел дать колхозам подняться после войны», – думал И.Ф. Пыков, офицер из военного гарнизона Кубинка-1 в Подмоскovie{105}. Больше всех он нравился выпускнице Архангельской сельской средней школы в Куринском районе Орловской области М.М. Луниной, «да и сразу налоги отвалились, остался только за землю»{106}. Студенту 1-го Московского медицинского института Е.П. Лукину казалось, что Маленков человек недеспотичный и реформатор: «Так думали, глядя на его первые шаги»{107}. По словам офицерской жены В.В. Филипповой из Брянска, его считали ближе всех к народу: «Ходили слухи, что он ходил по рынку и спрашивал, как живется»{108}. Племянником Ленина, близким к простым людям и знакомым с жизнью колхозников считала его М.А. Ширикина из села Щербатовка в Касимовском районе Рязанской области{109}.

Но вот что настораживает: ровно половина мотивированных ответов в пользу Маленкова дает основание считать, что отвечающие говорят не о своем выборе марта 1953 г., а о своей оценке его деятельности в более позднее время, во всяком случае не раньше августа 1953 г. Другими словами, свой тогдашний выбор они путают с последующей сугубо положительной оценкой действий Маленкова на посту главы правительства{110}.

Молотов пользовался симпатиями около 12-14% опрошенных. «Многие тогда так считали» среди знакомых Ю.Ф. Морозова, слесаря Болоцкой МТС во Владимирской области.

«Все потихоньку говорили, – признавалась жена офицера МВД из Свердловска-45 Н.Н. Сныткова, – что, если Сталин умрет, будет Молотов». Молотова знали больше других, – утверждал студент МАИ А.В. Анисимов. Молотов больше других был известен народу, соглашается с ним З. А. Змитрук, студентка Коломенского педагогического института. Его часто слышали по радио во время войны, – объясняли уборщица Воронежского отделения Гипрокаучука и слесарь Воронежской ГРЭС В.А. и И.Н. Комовы. Молотов «долгое время в руководстве, соратник Ленина и Сталина, наркомом был», – объяснял рабочий МТС из Хмельницкого на Украине Н.А. Бондарук. «Его лучше знали люди», он был «более известен, чем Маленков», – говорил колхозник Н.А. Куликов из деревни Кулиши в Орловской области. «Он всегда был при Сталине и помогал ему во всем», – считала сотрудница НИИ искусственного волокна А.И. Коншина. Вторым после Сталина человеком считала его мастер Трехгорной мануфактуры Н.Т. Неверова. Ведь он до войны 10 лет возглавлял правительство, – указывал главный инженер автобазы и/я 367 в подмосковном поселке Северный А.Е. Козин. Во время войны и после он был министром иностранных дел и лучше знал международную обстановку, – добавляла домохозяйка из Николаева З. К. Умницкая. И к тому же побывал во многих странах, – напоминал ее муж военнослужащий В.И. Умницкий. Наиболее образованным (знал 8 иностранных языков) считал его военнослужащий из Порккала-Удд А.Н. Степанов{111}.

Берии отдали свое предпочтение 2-3% опрошенных. Его ценили и уважали в силовых структурах, признавался офицер госбезопасности А.И. Носков из группы советских войск в Германии{112}. Единственным кандидатом считал его А.П. Козюхов, чекист из Плавска в Тульской области{113}. Наибольшим правом он пользовался, по мнению В.И. Никифорова и его сослуживцев по 2-й отдельной дивизии особого назначения{114}. «Властность как у Сталина» разглядел в нем О.Г. Филин, электрик из подмосковной деревни «Красное пламя»{115}. Верил в его «твердую политическую руку» А.И. Горячев, сменный мастер на железнодорожной станции Дмитров{116}. «Все думали, что Берия, как ближайшее лицо к Сталину», – был уверен учитель Н.И. Ануфриев из Дмитрова{117}.

Еще от 3 до 6% опрошенных предпочли бы кого-нибудь другого, в том числе Булганина – чуть более 1% опрошенных. «У него была большая практика управления страной», – считала воспитательница детского сада в подмосковном Люблино З. И. Андрианова{118}. За Хрущева высказался также 1% опрошенных. Полагая, что все наследники Сталина кроме Берии «были толковые, грамотные люди», работник Московского трамвайного депо им. Баумана В.А. Васильев все же выделял среди них Хрущева, который лично ему, «по-человечески, всегда нравился». В окружении В.П. Тороповой, учительницы из Тюменской области, «не восхищались Маленковым, говорили, что он слабый руководитель, хотели видеть на этом посту знающего, опытного человека и возлагали надежды на Хрущева»{119}.

Предпочтение не отдали никому 26% опрошенных. Ждал развития ситуации рабочий одного из номерных заводов в Москве С.С. Глазунов. «Особенно не вникали, считали, что «наверху» сами разберутся», – вспоминала А.П. Смирнова, жена офицера из в/ч 12122 в подмосковном поселке Заря. «Полагалась на руководство страны» инженер Мосгорпроекта Л.А. Любешкина. «Мы думали, что «там» сами разберутся», – говорила заведующая отделом кадров строительного треста в Ефремове Тульской области Р.П. Пономарева. Поскольку жила в деревне, ничего о коллективном руководстве не знала счетовод из Марийской АССР Р.С. Савенцева. Считала Маленкова слишком мягким руководителем маляр автокранового завода в Балашихе К.М. Селиванова. Никто не нравился работнице домоуправления в Лыткарино М.С. Ширкуловой. Всех терпеть не мог бывший дворянин С.Н. Гук. Никому не доверял хирург Каунасской городской больницы П. Паулацкис{120}.

Никому не доверяли, полагая, что никто не может руководить страной после Сталина, 6% опрошенных в 1998 г. и 2,5% опрошенных в 1999 г. «Никого не могли принять так, как Сталина», – говорил

А. Д. Аврачев, живший в селе Покровское, а работавший на предприятии п/я 1 в Подольске. «После сильной личности Сталина никто не мог заменить его», – была уверена продавец О.Г. Михайлова из Нерчинска. «После смерти Сталина не видели подходящей фигуры для руководства страны», – говорила учительница из Косино Г.К. Пятикрестовская{121}.

Не задумывались, не вникали, не было своего мнения, было все равно для 14 и 9% опрошенных. «Не думали вообще, кто будет, – вспоминал рабочий Красногорского оптико-механического завода

В. Д. Бакин. – Через 3 дня назначили Маленкова, и все. Им виднее». Этим никогда не интересовалась воспитательница одного из московских детсадов, жившая в Немчиновке, С.И. Алексеева. Ей совершенно было все равно: «Все друг друга стоили». «Какая разница?» – вопросом на вопрос отвечала работница столичной швейной мастерской № 23 Л.В. Гурьева. Не отдавал никому предпочтения техник трамвайного депо им. Баумана в Москве А.И. Харитонов: «Все они одного поля ягоды». Не интересовались политикой врач одной из московских поликлиник А.Ф. Данилова, медсестра городской поликлиники в Люберцах Е.А. Кузнецова и восьмиклассник из Тулы М.М. Панкратов{122}.

Затрудились с ответом еще почти 9% опрошенных, в т.ч. потому, что не помнят, чтобы перед ними стоял тогда такой выбор предпочтении, 3% опрошенных. По утверждению студентки Московского областного педагогического института им. Крупской В.С. Безбородовой, «особой политизированности в то время не было, больше интересовались музыкой, театром, чтением»{123}.

Ссылный поэт Н. Коржавин, вчерашний сталинист, на многое теперь смотревший по-иному, подмечал: «Моя страна! Неужто бестолково ушла, пропала вся твоя борьба? В тяжелом, мутном взгляде Маленкова неужто вся твоя судьба? А может ты поймешь сквозь муки ада, сквозь все свои кровавые пути, что слепо верить никому не надо и к правде ложь не может привести?»{124}. И, тем не менее, страна продолжала «слепо верить». Но уже не так безоглядно, как прежде. И это прежде всего относилось к новым руководителям. Им еще предстояло создавать себе авторитет, искать доверия у различных слоев населения.

Итак, без особых проблем, без явных возражений Маленков вдруг оказался во главе нового, коллективного руководства, на вершине властной пирамиды. В качестве председателя Совета Министров он должен был председательствовать на заседаниях Президиума ЦК КПСС, определять их повестку дня, давать аппарату ЦК в лице его секретаря Хрущева поручения вести проработку соответствующих вопросов и готовить по ним решения, наконец, руководить ходом обсуждения этих вопросов и подводить итоги, формулируя окончательный текст постановлений.

Качественно новые моменты содержались уже в траурной речи Маленкова на похоронах вождя 9 марта 1953 г. В том ее разделе, где говорилось о внешнеполитических проблемах, в ряду ставших уже традиционными призывов бороться за сохранение мира и углублять сотрудничество со всеми странами, была выражена новаторская для того времени мысль о характере взаимодействия сложившихся в мире двух противостоящих друг другу лагерей. В сфере международных отношений, отмечал новый глава правительства, Советский Союз будет проводить политику, «исходящую из ленинско-сталинского положения о возможности длительного сосуществования и мирного соревнования двух различных систем – капиталистической и социалистической»{125}. Ссылка на авторитет Ленина и Сталина имела здесь явно тактический характер.

Во внутренней политике главная задача виделась Маленкову в том, чтобы «неуклонно добиваться дальнейшего улучшения материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей»{126}. Такого рода благие пожелания нередко звучали в устах как самого Сталина, так и его соратников. Отвечая чаяниям и надеждам простого человека, они находили положительный отклик в народе, вызывали даже энтузиазм. Но проходило время, и обещания забывались. Мало того, сама власть порой рассматривала напоминания о них как проявление нелояльности. Сколько тысяч человек было обвинено в антисоветской пропаганде и репрессировано только за то, что в порыве досады и раздражения цитировали слова вождя о том, что «жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей»! Наверно поэтому мало кто придал тогда особое значение и заверению, что «обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей» является «законом для нашей партии и правительства»{127}. Дальнейшие события показали, что это были не просто ритуальные слова. Другое дело, что Маленков уже с первых шагов своей деятельности в качестве главы правительства выступал

Юрий Васильевич Аксютин: «Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг.»

20

больше как глашатай идей, вынашиваемых Берией.